

Известия, 1963, 14 фев.

ТЕАТР ГЛАВНАЯ ТИШИНА

Я ЗНАЮ тишину класса. Она бывает очень разная, эта тишина. Немножко от испуга, немножко от игры — у малышей, в первые школьные месяцы. Тишина контрольной или сочинения, когда даже шелест страниц кажется громким и слышишь, чувствуешь шорох мысли, — я люблю такую тишину. Есть горестная, звенящая тишина, когда читаешь пятиклассникам «Муму» или «Дети подземелья». Есть тишина дисциплины, страха, тишина равнодушия. И есть главная тишина — десятого-одиннадцатого класса. Она рождается редко: читаешь или рассказываешь что-нибудь ребятам — да нет, не ребятам, конечно, взрослым семнадцатилетним людям — видишь внимательные глаза, в классе тихо, классу интересно — и все равно знаешь: это еще не та тишина. Так я читала «За далью — даль» — слушали молча, с интересом, и вдруг... это про нас! это наше! об этом мы думаем про себя, это нам важно! — и я услышала, ощутила ту тишину. Полную мысли, и тревоги, и радости — это мне говорят про мое! — и волнения, и мысли, мысли!

Я знаю ГЛАВНУЮ тишину. Она стояла в зрительном зале Центрального детского театра во время нового спектакля «Молодой человек».

О чем спектакль? О чем пьеса Никиты Ивантера? О комсомоле. О правде. О добре и зле, о любви, о честности, о призвании, о собственном мнении, о счастье, о таланте, а главное — о борьбе.

Можно сказать и иначе. «Молодой человек» — это пьеса о комсомольском работнике новой, сегодняшней формации и о его конфликте с комсомольским работником, рожденным временем культа. Так можно сказать, и это будет внешне правильно. А по существу — нет, неправильно, потому что пьеса глубока и многослойна, потому что она не про комсомольского работника, а про молодого человека, про то, как жить.

Как жить сегодня молодому человеку? Маша (артистка Надеждина) живет по совести, по высшей правде. Если девочка-школьница, отличница, зубрилка, не хочет помогать товарищам, смеется над ними, — нечего такую девочку принимать в комсомол, еще не выросла. Если комсомольские лекторы не приносят урожая, если превратились в бумажный, а не настоящий маяк, надо сказать об этом прямо. Если району дают знамя, которого он не заслужил, — надо отказаться от знамени. Так живет Маша. В исполнении Надеждиной она кажется совсем девочкой. Маленькая, немножко даже смешная, торопливая, совсем не похожа на серьезного человека, секретаря райкома. Маша Надеждиной ничего не решает заранее: обо всем она думает мучительно, трудно. Но уж добравшись до правды, она держится за нее твердо.

Лицо Надеждиной запомнишь надолго. Ей веришь, на нее надеешься — вот они, молодые люди...

Бывший секретарь райкома, а теперь инструктор обкома Постников написан Н. Ивантер очень точно и

очень тонко. Мне нравится вся пьеса, целиком, но Постников — самая, по-моему, большая удача автора. Характер этот своеобразен. Постников верит, что делает все, как надо. Он даже обаятелен по-своему, он искренне хочет помочь Маше, но какая это помощь, в чем он ее хочет уверить!

Постников написан Н. Ивантер удивительно верно. К сожалению, сыгран он несколько прямолинейно. Едва артист Р. Чумак появляется на сцене, мы испытываем недоброе чувство, что-то в немстораживает сразу — суховатый казенный тон, командирская поступь. А ведь Постников искренен. В пьесе он уговаривает, убеждает, объясняет то, что ему самому давно ясно. Он так хочет, чтобы Маша поняла его правду и стала настоящим (с его точки зрения) секретарем! Постников Чумака командует — и только. И непонятно, за что так преданна ему секретарша Оля, как удалось ему подчинить себе второго секретаря Маслова, почему верит и подражает ему инструктор райкома Глеб... Убедительности подлинной нет.

А вот подругу Маши, Клаву Васильеву, я не могу представить ни в чем другом исполнении — только А. Дмитриевой, и никого больше! В первые минуты спектакля я ловила себя на неприязни к Дмитриевой и не сразу поняла, что это реакция на ее исполнение роли пионервожатой из «Друга моего, Кольки!». В пьесе Ивантер Дмитриева пронзительно трогательна. Ее Клава, такая в общем-то простоватая, на наших глазах становится Человеком. Ничего-то нет у нее в начале пьесы: ни дома настоящего, ни любви, ни увлеченности работой. Только рассуждения о том, что надо «устроить жизнь», да еще дружба с Машей. Дмитриева играет Клаву так психологически верно, что ее и жалеешь, и сердисься на нее: ну, что же ты, ты же достойна другой жизни! И вот приходит другая жизнь. Приходит любовь, и борьба за подругу, и увлеченность «пионерчиками», которые совсем Клавке ни к чему и замучили ее, а на самом деле и превращают ее в Человека! Прошло уже немало дней с тех пор, как я видела спектакль, а Дмитриева все стоит перед моими глазами — в своих «роскошных» ботах и голубом плаще, потерявшая было девочка, нашедшая себя и свое счастье!..

Вероятно, я сказала не обо всем, что полагается говорить в рецензиях. Дело в том, что я не критик, а учительница, и смотрела спектакль учительскими глазами. И еще немножко глазами своих учеников. Мне было очень обидно, что мой класс не может посмотреть эту пьесу в этом театре (я живу и работаю в Ленинграде). Я знала: если бы мои ребята были здесь, со мной, то, кроме той, главной тишины в зале, я услышала бы отдельную желанную тишину, охватившую моих учеников: это наше, это про нас, это то, о чем мы думаем и спорим между собой...

Н. ДОЛИНИНА.